

The background of the cover is a vertical composition. The top half shows a close-up of a sea wave with vibrant blue and white foam. The bottom half is a sandy beach. On the sand, there are faint, large, stylized footprints in the middle ground and two distinct, darker footprints in the bottom right corner.

Николай Кудин

ПОД ВЗГЛЯДОМ
ПРИСТАЛЬНОМ
ЧУДОВИЩ

Николай Кудин
Под взглядом
пристальным чудовищ
Серия «Новые стихи.
Актуальная поэзия (Эксмо)»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41852360
ISBN 978-5-04-102382-9

Аннотация

Как ходили по Васильевскому острову германовские персонажи 200 лет, так и ходят. Скажут что-то впроброс, в сторону и исчезнут. И прислушиваясь к ним с детства, сочиняет и Николай Кудин. Может, дело в островной судьбе, но печать оставленности стоит и на этих лицах, и на этих стихах. Словно кто-то был здесь недолго и ушел, а теперь мы, каждый на свой лад, рассказываем о нем: то ли его штормом выкинуло, то ли он спасать нас приходил; то ли он счастливо сбежал, то ли вознесся. А нас слушают наши чудовища, такие же оставленные, только не говорят ничего.

Содержание

«Убирать за собой – лишний труд...»	5
«И снилось мне семейство Лота...»	7
«Что-то там с сундуком и дубом колдует опять кощей...»	10
«Солнце так потянули прямохонько в ночь...»	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Николай Кудин

Под взглядом

пристальным чудовищ

© Кудин Н.Н., 2019

© Оформление. ООО "Издательство "Эксмо", 2019

«Убирать за собой – лишний труд...»

Убирать за собой – лишний труд,
как в кино, чай остался не допит.
Скоро август, и реку запрут,
и долину затопит.
Нам пора уезжать. Забери,
что я утром сложил у порога.
Ну, два месяца счастья, ну, три —
больше много.

Заполняется грязной водой
топкий мир в перевернутой чаше.
Снизу месяц глядит молодой
на забытое наше.
Мир растет, будто свежий ожог,
ни секунды уже не кручинясь
обо всем, что случилось, дружок,
или нет, не случилось.

Слишком мало он нас различал,
да и мы не могли быть надменной.
И в песках позабытый причал
ждет родных наводнений.
Искупались в пыли острова,

и прогнозы дождями набрякли.

Ну, полгода несчастья, ну, два —
больше вряд ли.

«И снилось мне семейство Лота...»

И снилось мне семейство Лота —
они брели до поворота,
вцепившись в траченную кладь,
томясь в стараньях непрестанных,
чтоб даже тень того, чем стал их
дремучий дом, не увидеть,
и множа в памяти на нуль все,
включая тех, кто оглянулся
с невнятным вздохом «погоди»,
вдыхая дым горящих крыш, но
не удивляясь, что не слышно
предсмертных криков позади.
"Нет, верно, даже поднатужась, —
они шептали, — этот ужас
нам не вообразить вполне,
нам не представить казнь, в которой
Содом, всех нас голодной сворой
травивший, гибнет в тишине».
Они свернули, обсуждая,
что здесь дорога не крутая
и лучше было бы верхом...
А сзади россыпью горошин
их город, праведником брошен,
темнел нетронутым грехом.

Громадой зла, кровосмешений,
лжецов, убийц, живых мишеней,
где нечистоты и тщета
вставляли с чердаками вровень,
а то, что мнилось дымом кровель,
пускали люди изо рта.
И небо тоже задымилось,
сокрыв стыдливо эту милость
от тех, кто шли сейчас втроем,
чтобы поведать, Бога ради,
не о спасенье и пощаде,
а о сожженных здесь живьем.
И заключен в соитье грубом,
союз блудницы с душегубом
крепчал, как кованый металл,
а если кто, наевшись адом,
вдруг чем-то брезговал, с ним рядом
сидящий только хохотал.
Они, как мелкая посуда,
все появлялись ниоткуда
и исчезали без числа,
чтоб возродиться чем похлеще.
И я узнал все эти вещи,
и я промолвил «мать честна».
Все эти камни, эти лица,
и хирургическая спица
в хребте осмысленной судьбы,
болезнь, торгующая бойко,
попойка, брошенная стройка,

распотрошенные гробы...
Все солоней, все несуразней,
под гнетом оглашенных казней,
как будто прячась от отца,
заместо пламени и серы
накрытый жалостью без меры
и снисхождением без конца,
там, где жестокие пустыни
сто раз нагрелись и остыли,
наш город, темный и живой,
лежит, в беспечности болтаясь,
пускай под сенью жутких таинств
он погребен людской молвой.
В своем неведомом веселье
уходят праведные семьи,
за обреченных помолясь,
а на Содом и на Гоморру,
как прежде, нету угомону.
Лишь иногда, настроив связь,
услышишь через тихий шорох,
как в посторонних разговорах
среди рассуждений о своем —
о ценах, детях, новых метлах,
о нас вдруг скажут, как о мертвых.
Но это мы переживем.

«Что-то там с сундуком и дубом колдует опять кощей...»

Что-то там с сундуком и дубом колдует опять кощей,
в сотый раз собирая матрешку свою воедино.

Люди, прощаясь, избавляются от вещей,
словно после долгого-долгого карантина.

Кризис – грязная штука и холостой режим.

В памяти, в выделениях, в жуткой своей природе
пережить такое нельзя. Вот ты и не пережил.

Со временем как-то очухался, заулыбался, вроде.

Но ночами они приходят, заявляются сразу все.

И то, куда им теперь? Укройте, спрячьте...

Месяц-другой в безветренной полосе

и уже бесполезно привязывать себя к мачте.

Опадают узлы, из ушей вытекает воск,

над водой туманом встает неподъемный морок.

В голове творится уже совершенный босх,
состоящий только из профилей и поговорок.

Ничего, кроме пены и соли, где только что были мы,
тихий ход и память сверхзвуковая.

И команда, заткнувши уши, глядит с кормы,
ничего не слыша и словно не узнавая.

«Солнце так потянули прямохонько в ночь...»

Солнце так потянули прямохонько в ночь,
как и им приходилось на свадьбах волочь

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.